

Олег Морозов
Удачи с дорогой, лейтенант...

Пыльная история

Олег Морозов

Удачи с дорогой, лейтенант...
Пыльная история

«Издательские решения»

Морозов О.

Удачи с дорогой, лейтенант... Пыльная история / О. Морозов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831437-7

На фоне военного локального конфликта разворачивается история взаимоотношений молодых людей — юноши и двух девушек, рожденных и воспитанных в разных этнических культурах, которые по-своему понимают вопросы любви, справедливости и совершают смелые, но может быть глупые поступки. Интересный закрученный сюжет, обилие оружия, военной техники, атрибутов воинской службы. Секс, кровь и песок.

ISBN 978-5-44-831437-7

© Морозов О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. С чистого листа	6
Глава 2. Точно в цель	8
Глава 3. Превосходство в силе	12
Глава 4. Полный контроль	15
Глава 5. Поразительная меткость	20
Глава 6. Некуда бежать	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Удачи с дорогой, лейтенант...
Пыльная история
Олег Морозов

© Олег Морозов, 2016

ISBN 978-5-4483-1437-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. С чистого листа

Лейтенант прищурился от яркого дневного света, на мгновение задержался перед трапом самолета и решительно шагнул навстречу очередному пеклу нового назначения. Весна уже заканчивалась, и раскаленный, дрожащий воздух стоял как стена, упругий и горячий, и только горы вокруг аэродрома видом своих заснеженных вершин приносили некоторое облегчение.

Девять месяцев назад он окончил военное училище связи и получил назначение в южный округ, который гигантским коричнево-желтым пятном растекся по границе федерации. После быстро пролетевшего, совершенно не запомнившегося последнего отпуска юности прибыл в его штаб, где волнуясь и краснея, не только от жары, но и от переполнявших «чувств-с», в соответствии с уставом представился начальнику связи. В короткой личной беседе с ним, полковником по званию, не подумав спросил, как попасть в демократическую республику за речкой, в которой ограниченный контингент таких же, как и он, молодых и горячих, реализовывал на практике понятие интернационального долга, до тошноты привитое ему хромым замполитом училища, считавшего, что страны могут быть разные, а вот обязанности у военных одинаковые, и результат их выполнения определялся не только размером поощрения от командования, но и ущербом, полученным от «дружественного» населения, и часто получалось так, что одно являлось следствием другого. Сам «инженер человеческих душ¹» отделался более или менее легко – ногу не ампутировали, и радуясь, что жизнь налаживается, он еще и следующее звание получил раньше срока, а вот как получится у курсантов, его уже не интересовало, пусть думают сами. Лейтенант не подумал, и дальнейшие события только подтвердили это.

Полковник оказался быстрым и смышленным не по годам, потому что не успел новоиспеченный офицер выйти из кабинета, держа перед глазами образ указки, указывающей на какую-то южно-южную точку на карте, как он уже запускал механизм перевода, отдавая необходимые распоряжения в белую трубку телефона без номеронабирателя и слушая «квакающие» слова подтверждения оттуда. Закончив разговор, устало подошел к сейфу, по привычке оглянулся и, набрав несложный шифр, плеснул коньяк в дежурный стакан на столе, перекрестился и стоя выпил. Немного постоял у окна и проводил взглядом уже вышедшего из штаба лейтенанта, который, пребывая в неведении относительно того, что через девять месяцев пройдет здесь же, только в обратном направлении, за новым назначением, бодро вышагивал к железнодорожному вокзалу. А потом начальник связи округа тяжело сел в кресло и, довольно прислушиваясь к расширяющемуся внутри себя теплу, задумался о правильности выбранного им пути в контексте принимаемых кадровых решений. Он понимал, что угрызения совести его не оправдывают, но само их наличие успокаивало, вселяло надежду на возможное прощение в возможно существующем где-то там, за чертой.

На следующий день после посещения штаба округа лейтенант сел в купе обшарпанного вагона такой же железной дороги и с металлическим стуком и скрежетом, медленно и осторожно выдвинулся к своему первому месту службы. Сосед по купе, тучный мужчина в мокрой от пота рубашке с короткими рукавами и с толстым портфелем под мышкой, отдуваясь и обмахиваясь газетой, участливо спросил—заметил: «Как вы только здесь служите? Не понимаю...» Лейтенант тоже не понимал, потому что быстро прошедший за оформлением документов день в этом непривычном для него раскаленном климате он еще не успел прочувствовать из-за исправной работы штабных кондиционеров, а жара внешнего мира, из-за короткого с ней знакомства, не успела надоесть и воспринималась как некое приключение. Это просто «тяготы и лишения», как говорили и к чему готовили их в военном училище, и он, молодой

¹ Инженер человеческих душ – заместитель командира по политической части.

здоровый парень, был готов к ним и верил, что все это пройдет, и зной и служба, вопрос был только во времени и в отношении к нему.

Особенность нового назначения, о котором лейтенант узнал по телефону от офицера кадрового отдела округа через девять насыщенных и жарких месяцев службы, скрывалась за простой и безобидной формулировкой – «служебная командировка», а срок звучал как приговор – два года, и это означало сменить кого-то там, кто или уже сделал то, зачем послали, и поэтому предоставил такую же возможность другому, «томящемуся» следующим в очереди, или выбыл по другим, не зависящим от него обстоятельствам раньше срока.

Новое место службы по климату и географическому расположению мало чем отличалось от предыдущего – снова южная республика, но другая, восточнее, такие же горы и полупустыни под тем же самым беспощадным и белым солнцем. Основным и решающим отличием было одно: пограничный отряд относился к категории «воюющих» и выполнял служебные задачи по охране государственной границы не только на своей, но и на сопредельной территории, на которой самая настоящая, но неизвестная в федерации война подходила к логическому концу – заканчивалась с непонятным и, как потом оказалось, невнятным результатом. Должность начальника связи мотоманевренной группы пограничных войск, почти аналога общевойсковой батальона, была «большой и громкой» для молодого, не прослужившего и года офицера, если не знать про тире, за которым следовало некоторое пояснение. «В общем, командир взвода связи ММГ – тоже неплохо», – рассудил про себя лейтенант и после такого быстрого карьерного «роста», еще неопытный в кадровых вопросах, даже почувствовал уверенность в себе, ошибочно принимая рутинную ротацию офицерского состава за возросшее к нему доверие начальства и напрочь забыв опрометчивый вопрос, заданный когда-то давным-давно начальнику связи округа.

Государственная граница, или «линейка», с соответствующим обрамлением и содержанием, находилась сразу за территорией части, прямо посередине неширокой, мелковатой, но все равно бурлящей реки. По сравнению с первым местом службы все здесь было и одинаковое и разное: такие же контрольно-пропускной пункт, стадион и плац, вот только деревьев побольше и пограничные сторожевые вышки стояли прямо на территории части. Несколько смущали минометы, развернутые около столовой, и силуэты солдат с биноклями на наблюдательном посту, тут же, на крыше. В отличие от остальных военных, на первый взгляд хаотично перемещающихся по территории части в своих кепи, панаме, пыльных высоких ботинках на шнуровке и в новом непривычном обмундировании песочного цвета, лейтенант, в своей общевойсковой форме с ярким зеленым кантом и такого же цвета фуражке, четко знал цель своего прибытия и нашел ее сразу, ибо все дорожки из серого, потрескавшегося на жаре асфальта вели к ней, без вариантов.

В штабе, у начальника кадрового отдела, слова для встречи нашлись быстро: «Прибыл? Располагайся, переодевайся, становись на довольствие и завтра на „точку“, литера „ТТ“, „Та сТорона“, по-простому. Да, и детали уточни у своего командира, второй этаж, направо, налево».

– Служебный паспорт есть? – начальник связи отряда с надеждой на быстрое расставание, умоляюще посмотрел на зеленого во всем офицера.

– Так точно! Вчера получил в штабе округа.

– Молодец! А то сменщик твой каждый день звонит, переживает, не приболел, здоров ли, – улыбнулся капитан. – Иди на склад, переодевайся, я позвоню и утром в опергруппу², они все скажут, в общем, с вещами на вылет.

² Опергруппа – оперативная группа штаба, орган управления и разведки подразделениями на сопредельной территории.

Глава 2. Точно в цель

Как всегда, на вещевом складе пришлось поспорить с прапорщиком из-за размера обмундирования, а высокие ботинки со шнуровкой он вообще не дал, заменил их тяжелыми солдатскими сапогами, объяснив свой враждебный поступок отсутствием размера и недовольно пробурчав в сторону: «Зеленый еще». Решив не заострять внимание на новой форме «дедовщины», выраженной в разделении всех на категории «воевал» и «ботинки не положены», лейтенант, пожав плечами, с кипой новой формы, чемоданом и незаконно полученными сапогами пошел искать приют на ночь.

В служебной гостинице отряда свободных мест не нашлось, потому что прикомандированные вертолетчики, все как один в новом трехцветном камуфляже и с неуставными ножами у пояса, как газ заняли весь предоставленный объем – пришла на память офицеру ассоциация из школьного курса физики. Каптерщик «приежки» посоветовал гражданскую гостиницу прямо напротив КПП – недорого, рядом, нормально. Лейтенант благодарно кивнул и пошел устраиваться, а когда разместился в небольшом пустом двухместном номере, решил обновить «мыльно-рыльные» принадлежности в военторге, запастись газетами, журналами и зайти в книжный магазин рядом с частью – привычный и неременный атрибут всех пограничных городков.

Первое знакомство с внешним, гражданским миром ограничилось примыкающей к воинской части улицей однотипных южных многоквартирных домов с открытыми лестничными пролетами подъездов и обнесенными штaketником пыльными газонами с желтым, сгоревшим на солнце подобием травы. Высаженные вдоль дороги неизменные тополя, дающие спасительную тень, и арыки с мутной прохладной водой дополняли эту обычную для южных населенных пунктов действительность. Уходить далеко утомленный жарой лейтенант не стал, здраво рассудив, что ничего особо нового и интересного он здесь не увидит, но свернув направо, неожиданно наткнулся на крикливый восточный базар, заполненный людьми в ярких национальных одеждах, и из любопытства походив там немного, почти сразу сбежал, унося на языке вкус нескольких принятых на пробу сладких и пахучих сушеных персиков, навязчиво предложенных многочисленными торговцами в цветастых халатах, а в руках – бумажный кулек с ними как некоторый символ согласия с законами гостеприимства, полученный «безвозмездно, то есть дадом» (с).

Покинув оплот местных обычаев и традиций, лейтенант машинально свернул направо, быстро шагая, дошел до ближайшего перекрестка и, озираясь в поисках основной цели своей прогулки – киоска «Союзпечать», привлеченный некоторой суетой около расположенного через дорогу промтоварного магазина, заметил его не сразу. Внимание офицера отвлекла группа стоящих особняком женщин, одетых в черную, полностью скрывающую фигуру одежду с узкой прорезью для глаз, которые со свертками и баулами в руках и на земле, под ногами, оживленно жестикулировали и громко разговаривали, нисколько не смущаясь повышенного внимания к себе проходящих мимо местных красавиц в традиционных цветастых нарядах, оставляющих открытыми всегда улыбающиеся, привлекательные лица. Вспомнив краткий инструктаж в штабе округа по основным правилам общения с местным населением, он решил, что лучше не задерживаться на них взглядом, поэтому недоуменно пожал плечами, не осуждая, но и не понимая увиденное, и переключил внимание на более близкие и понятные ему вещи, а именно на военный бортовой грузовик, который приткнулся к обочине недалеко от них, и белый, обычный и всегда узнаваемый газетный киоск тут же, рядом. В тени машины, на касках, лежащих прямо на асфальте, сидели два белобрысых солдата в выцветших от солнца «песчанках», армейских нагрудниках, под завязку заполненных боеприпасами и автоматами со свисающими ремнями, которые плоско лежали на их коленях. Увидев подходящего лейтенанта,

рядовые переглянулись, но вставать не стали, а один из них, скользя насмешливым взглядом в его сторону, тягуче и длинно сплюнул в пыль увядшего газона, на что офицер, не совсем понимая ситуацию и немного завидуя их залихватскому виду и, судя по всему, имеющемуся определенному боевому опыту, делать замечание не стал и, пройдя мимо, подошел к витрине киоска.

В необычной для воюющего отряда форме лейтенант привлекал к себе повышенное внимание, как иностранец в гавайской рубашке с «мыльницей» фотоаппарата на главной площади страны. Взгляды местных мужчин скользили по нему с улыбкой, показным равнодушием, а то и с неприкрытой злобой, а вот девушки, все как одна, неизменно прыскали в ладошку и, прикрыв лицо краем головного платка, не столько скрывая, сколько подчеркивая интерес к молодому офицеру, сразу ускоряли шаг, не лишая себя возможности окинуть его напоследок любопытным взглядом. Разностороннее отношение окружающих осталось им незамеченным, потому что к одним относился равнодушно, а другие в данный момент интересовали его меньше, чем газеты и журналы в витрине киоска, названия которых, загибая пальцы на свободной руке, он самозабвенно шептал.

Из некоторого подобия транса, вызванного погружением в созерцание кусочка информационного мира, недоступного на месте последнего прохождения службы по довольно неприятным и опасным причинам, его вывели любопытные глаза, с интересом наблюдающие за ним между печатной продукцией с внешней, противоположной стороны стеклянной витрины. Они были очень красивые и карие, а мааленькая родинка слева на нижнем веке, совсем рядом с уголком глаза, заставила его застыть в изумлении, и хотя мужественный и оценивающий взгляд еще находился во власти испещренных типографскими значками газетных листов и цветных обложек журналов, посвященных в основном науке и технике, сознание сразу запаниковало и сдалось на милость неизвестной победительнице, одетой в черную, полностью скрывающую фигуру одежду с узкой прорезью для глаз, которая дополнительно подчеркивала и волнующе выделяла это чудо природы.

«Эти глаза напротив – калейдоскоп огней. Эти глаза напротив ярче и все теплей. Эти глаза напротив чайного цвета. Эти глаза напротив – что это, что это?»³ После некоторого замешательства, выраженного посредством приоткрытого рта и дальнейшей трезвой оценки ситуации, понимая безвыходность и невозможность, лейтенант, шепча под нос оправдательное «пусть», впадая в несвойственное по долгу службы офицеру чувственное настроение, подкрепленное отрицательно окрашенной эмоцией, почему-то так обреченно и отрешенно махнул рукой, что недавний подарок, завернутый в небрежно скрученный бумажный кулек, горохом застучал по стеклу и веером рассыпался на пыльном асфальте у его ног. Последующий быстрый наклон, с целью устранения возникшего затруднения, к подавленному эмоциональному состоянию добавил и чисто физическую боль, возникшую в результате соприкосновения разгоряченного разными мыслями потного лба, прикрытого, но не защищенного форменной зеленой фуражкой, с бортиком киоска, ограничивающего витрину снизу. Сидя на корточках, медленно краснея, морщась от неприятных ощущений и потирая ушибленное место, он поднял головной убор, машинально хлопывая им по коленке и не обращая внимания на приглушенный, но имеющий место быть солдатский хохот за спиной, обреченно махнул рукой второй раз и решительно встал, в глубине души надеясь, что обладательница карих глаз будет более скрытна в оценке его неловкого поступка. Но когда он поднял свой печальный взгляд, заполненный той самой отрицательно окрашенной эмоцией, то откачнулся в изумлении и, сделав шаг назад, чуть не упал, нелепо балансируя на краешке дорожного бордюра, потому что далекие и карие глаза за стеклом превратились в близкие и почему-то зеленые.

³ «Эти глаза напротив» – песня 1970 года композитора Давида Тухманова на слова Татьяны Сашко. Первый исполнитель – Валерий Ободзинский.

Ничего не понимая, обиженно поджав губы и печально вздохнув, лейтенант зажмурился и тряхнул головой, пытаясь освободиться от наваждения, внушенного, как он знал из своего книжного опыта, какой-то злой силой с целью его соблазна, суть которого была ему пока не понятна. Офицер внутренне собрался и решительно, но медленно и осторожно, готовый в любой момент закрыть его снова, приоткрыл правый, дергающийся от волнения глаз. Видение не исчезло, а когда он шагнул вперед и, пытаясь рассмотреть его поближе, плотнее приник к стеклу, расплющив на нем нос, то превратилось в веселую рыжеволосую девушку в черной футболке и потертых синих джинсах, волею судьбы и графика работы киоскера оказавшуюся прямо на линии огня внезапно возникших чувств. Она смотрела на него гордо и вызывающе, а потом вдруг положила левую руку на талию, качнула бедрами, показала язык и расхохоталась над тем, как он в ответ, оставаясь прижатым носом к стеклу, немного присел задирая его и выставя себя в смешном, но несколько глуповатом и неподобающем виде. Лейтенант быстро опомнился, смутился и, надев фуражку, не отводя взгляда от зеленых насмешливых глаз, скользя своими хромовыми, высокими и жаркими офицерскими сапогами на рассыпанных остатках сухофруктов, сделал несколько быстрых приставных шагов в сторону и нетерпеливо вытянул шею, надеясь увидеть ту, которая так поразила его ранее. Но, к сожалению, сделать это самостоятельно он не смог, потому что обладательница карих глаз, высокая и тонкая девушка в черной, полностью скрывающей фигуру одежде, видимо со своей недавней покупкой, подростковым велосипедом, уже подходила к группе женщин у промтоварного магазина.

Внезапный порыв ветра поднял пыль на улице, превратился в маленький смерчок, который, крутясь и играя листьями, подпрыгнул к ней, рассыпался желто-зеленой горсткой и умер, всколыхнув напоследок край длинной одежды, который зацепился в колесных спицах ее покупки. Освобождаясь, она присела, и лейтенант, уже не надеясь на это, все-таки получил возможность снова убедиться в ее невозможной и недоступной для себя красоте, отреагировав на это немного неподходящим для текущей ситуации образом: глупо улыбаясь, приложил руку в воинском приветствии к пыльной фуражке и почему-то застыл в неглубоком поклоне. Кареглазка, как показалось офицеру, не очень искусственному в умении определять эмоции человека только по одним глазам, скользнула по нему насмешливым взглядом, быстро освободила одежду и затерялась среди одинаковых темных фигур, которые сразу возобновили свой привычный крикливый разговор всех со всеми, прерванный до этого по какой-то неведомой ему причине.

Солдаты, склонив головы, смотрели себе под ноги, поэтому лиц он не видел и только по дергающимся плечам понял их состояние – они смеялись уже молча, и он знал, над кем. Шепча про себя неизменное «ну и пусть», созвучное с отрицательной эмоцией из той песни, и не думая о последствиях военной молвы, лейтенант повернулся, четким, почти строевым шагом прошел мимо киоска и в каком-то ребяческом запале опять вскинул руку в воинском приветствии, отдавая честь рыжеволосой девушке, той, за стеклом, которая обхватила руками пачку журналов и, прижав их к груди, задумчиво блестела ему вслед своими отличными от других глазами.

Краснея и кляня себя за неподобающее поведение, думая о многом и жалея об одной, зло пиная по дороге ни в чем не виноватые листья, лейтенант быстрым шагом направился к гостинице, но перейдя дорогу, не удержался, остановился и печально посмотрел назад. Женщины крикливой группой уже усаживались в кузове машины, а солдаты, стоя к ним спиной рядом с откидным бортом, терпеливо ожидали окончания посадки, привычно разглядывая пыль у себя под ботинками, и только одинокая фигурка с велосипедом, невольно заставив сильнее забиться чье-то сердце и попутно ожидая своей очереди, как ему показалось и на что он в душе надеялся, печально смотрела в его сторону.

Пужинал офицер в кафе при гостинице – плов, который остался от обеда, традиционная аджика и такой же, но зеленый чай, после которого, остыв так же, как и он, решил вернуться

к киоску за так и не купленными газетами и журналами, который, к сожалению, вызванному не только невозможностью утолить информационный голод, но и другой более жизненной причиной, оказался заперт на обычный амбарный замок. Обескуражено посмотрев по сторонам, он увидел вдали бодро вышагивающую стройную, высокую девушку в потертых джинсах и черной футболке, с длинным хвостиком рыжих волос, раскачивающихся в такт спортивной, пружинистой походке. Рядом шел офицер в белой, выгоревшей «песчанке», с армейским рюкзаком через плечо, оживленно размахивая руками, то ли обвинял ее в чем-то, то ли сам извинялся за что-то.

«Ну и пусть... Не мое дело», – печально вздыхая, подумал лейтенант, который, как потом оказалось, сделал неправильный вывод и тогда еще не знал об этом.

Глава 3. Превосходство в силе

Ночь в гостинице прошла спокойно, только где-то вдалеке гроыхнуло пару раз, и с потолка посыпалась штукатурка. Ничего не понимая, лейтенант сел в постели и, лихорадочно сдернув с вездесущей прикроватной тумбочки электронные часы, подаренные родителями на выпуск, нажал на кнопку сбоку, и спросонья вглядываясь в маленькие красные светящиеся цифры, убедился, что на службу еще очень рано, поэтому в полудреме относительно спокойно повернулся на бок, натянул на голову простыню, заменяющую одеяло, и попытался заснуть, тут же забыв причину пробуждения. Но только он успел провалиться по назначению, как проснулся опять, разбуженный топотом ботинок по асфальту за окном, выкриками команд и шумом двигателей грузовиков. Его должность и штатное место службы там, за речкой, не подразумевали участие в оперативной работе отряда, да и вносить сумятицу в стройные ряды бегущих куда-то солдат и офицеров ему просто не хотелось, поэтому он, ударившись головой о подушку, незамедлительно провалился туда, откуда только что поднялся.

Насчет «томления духа»⁴ лейтенант, стремящийся всегда читать первоисточники, пусть и в переводе, был не уверен, но внешне штаб в восемь часов утра выглядел как «суета сует», или в другом варианте – как «погоня за ветром», потому что бегали все, кто с бумагами, кто с оружием, а кто и просто так. У одного из пробегающих мимо военных он уточнил, где находится опергруппа, поднялся на последний этаж, постучался, поправил новую, непривычную, но теперь такую же, как у всех, форму и, соблюдая положенные формальности, мирно вошел. Подполковник, который, склонясь над столом у окна, что-то на нем разглядывал, нетерпеливо оглянулся через плечо и сурово спросил: «Откуда, с какой „точки“? Почему не знаю?» Лейтенант четко представился по форме, кратко изложив содержание.

– Вот, посмотри, – кивнув в ответ, отошел в сторону офицер.

На столе, подстелив под себя газету, с названием, подтверждающим правдивость происходящего, лежала разорвавшаяся гильза от реактивного снаряда. Растопыренные, перекрученные щупальца этого железного кальмара навевали известные мысли о «сне разума и рождаемых им чудовищах»⁵, а резкий запах сгоревшего пороха, похожий на серный, дополнял отвратительную картину. Лейтенант внутренне содрогнулся, представив себя в этих железных объятиях, и тут же завел руку за спину и скрестил пальцы, отгоняя видение, потому что плюнуть три раза через плечо или постучать по дереву не позволяла обстановка в целом и внимательный, оценивающий взгляд подполковника в частности.

– Сегодня ночью был нанесен ракетный удар по нашей территории – два реактивных снаряда разорвались на автозаправке, на въезде в город, видел ее, наверное. Чудом не попали в цистерны с бензином. Разрушения минимальны, но они есть, людям там теперь и «сходить» некуда, и мы это так не оставим, сам понимаешь. Ты как, готов? Не, не, только вот без этого, без пионерии, не детские игры, – осадил он вскинувшего было в неуставном приветствии руку лейтенанта. – Вижу и так, готов. Хорошо, сейчас как раз машина на «взлетку»⁶, там уже сидит десантно-штурмовая группа соседнего отряда, наша на другой операции. Два «борта»⁷ скинут их сразу за «линейкой», потом на твою «точку», возьмут две ваши заставы и высадят в тыл «духам» – зажмем противника в клещи, «операция возмездия», так сказать. Понятное дело, ты остаешься. Вопросы есть? Вопросов нет, «наши цели ясны, задачи определены, за работу,

⁴ Книга Экклезиаста 1:14: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа!»

⁵ Испанская пословица, фабула известного одноименного офорта Франсиско Гойи из цикла «Капричос».

⁶ «Взлетка» – военно-полевой аэродром (жарг.).

⁷ «Борт» – военно-транспортный вертолет.

товарищи!»! Раньше так говорили... М-да, откуда ты все знаешь-то? – подмигнул довольный подполковник и широким жестом приглашения направил его, куда следует.

На военно-полевом аэродроме таможенник, старший лейтенант с синяком под глазом, вещи не проверял, молча сунул таможенную декларацию на пересечение границы, забрал заполненную и махнул рукой в сторону двух пятнистых транспортных «бортов», рядом с которыми разогревалась пара других, многоцелевых, ударных – хищных и «горбатых», а вдалеке, на краю взлетно-посадочной полосы, самолет соседнего отряда, сбросивший ДШГ, уже вырливался на взлет.

В стороне от вращающихся винтов, прямо на траве сидел пограничный десант – молодые ребята в заношенных «песчанках», касках с линиям камуфляжем, с горбами рюкзаков на спинах и в армейских нагрудниках, «лифчиках», плотно забитых автоматными магазинами. Боевая, камуфляжная раскраска на лицах и мрачные сосредоточенные взгляды под ноги ничего хорошего их возможному противнику не обещали, так же как ручные пулеметы и автоматы с подствольными гранатометами, огневую мощь которых подкрепляло и стоящее позади тяжелое вооружение – минометы и автоматические гранатометы. Два офицера в выцветших комбинезонах и без звездочек на погонах, проверяя экипировку, ходили между рядами и, хлопая по плечам подчиненных, выбивали из них пыль и неуверенность, заколачивая сплоченность и боевой дух подразделения, а закончив тактильное общение, сразу перешли к акустическому и визуальному, дав команду на построение. Группа, бряцая оружием, быстро построилась, а двое рядовых развернули на руках карту, с помощью которой старший офицер шомполом от автомата пояснил их маршрут, зону высадки и привычной скороговоркой довел боевой приказ.

– Задача ясна? Вопросы есть? Находим и давим. Понеслось! – обернулся он к «бортам» и закрутил над головой рукой. – К вертолетам! По местам!

Свист винтов усилился, «горбатые» приподняли хвосты и сорвались с места, а группа, быстро и слаженно разобрав тяжелое вооружение, ящики с боеприпасами и продовольствием, двумя организованными потоками затекла в подбрюшья транспортных вертолетов и с веселым служебным шумом и гамом расселась по скамейкам вдоль бортов, где нашлось место и для лейтенанта, у самой кабины пилотов. Техник каждой «вертушки» стоял под хвостовым винтом, обозначая своим присутствием границу опасной зоны.

«Взлетка» за иллюминатором качнулась, встала перед глазами стеной, ушла вниз и влево, уступив место шахматной доске городка на границе, а затем и блестящему на солнце извилистому руслу реки с многочисленными илистыми отмелями, которая быстро осталась позади, заставив пилотов резко снизить высоту. Через несколько минут ровного полета над шербатым одеялом приграничной полупустыни «борт» развернулся против ветра и приземлился прямо в эпицентре поднятого им пылевого урагана местного значения. Техник открыл задние створки, и ДШГ потекла вспять, готовая немедленно выполнить боевой приказ по восстановлению контроля над территорией и уничтожению виновных, препятствующих этому, а новоиспеченный «песчаный воин», только-только начинающий понимать, во что ввязался, проводил солдат тревожным взглядом, шепча им вслед слова с пожеланием удачи. Салон быстро опустел, и с ним остались двое, сидящие по этому же борту в конце салона – старший лейтенант приветливо кивнул и махнул рукой, а рядовой, чем-то неуловимым отличающийся от остальных, в такой же амуниции, как у всех, но без оружия, молча и сосредоточенно продолжал разглядывать у себя под ногами заклепки на днище, осторожно проверяя их пыльным ботинком на прочность.

Прошло всего минут двадцать полета, и лейтенант, сидя вполоборота на скамейке, забыв обо всем и с интересом смотря вниз, набрал массу новых ярких впечатлений, потому что так низко над землей он еще не летал, ну если не считать тот карусельный самолетик на ярмарке, в детстве, с отцом. Дух захватывало от скорости, которая особенно сильно ощущалась при

полете на такой высоте. «Борты» шли четкой цепочкой, один за другим, как привязанные огибающая пологие холмы и высокие минареты, умело прячась в складках местности и плавно закладывая стремительные виражи так низко над деревьями редких зеленых зон, что он невольно поджимал ноги, боясь задеть их верхушки. Не успев начаться, моментально заканчивались маленькие кишлаки приграничной зоны, с кроватями и тюфяками на плоских крышах домов, открывая только взгляду с небес свои тайны, скрытые на земле за высокими глинобитными заборами.

Техник застыл у открытого иллюминатора и водил пулеметом, сопровождая только видимые ему наземные цели. Сквозь шум мотора и свист ветра, гуляющего по салону, выстрелов лейтенант не услышал – просто плечи стрелка затряслись и резко запахло порохом. Прекратив огонь, тот привстал, что-то высматривая поверх разгоряченного ствола, а затем оглянулся на офицера и, подмигнув ему, довольно показал поднятый вверх большой палец. Особой радости от действий пулеметчика офицер не почувствовал, вежливо кивнул в ответ и молча отвернулся, успев заметить следы страшного ожога на руке стрелявшего, потому что эта война, с не совсем понятной целью, еще не коснулась его напрямую, он никого и ничто на ней не потерял, мстить пока было некому, да и не за что, это только через несколько минут все перевернулось и изменилось – земля опять встала стеной перед глазами, и борт пружинисто сел, закончив еще один период его жизни и без вариантов подталкивая к следующему – с красными сочными лужицами, подернутыми пленкой, и следами тяжелых капель в пыли.

– Конечная! – прокричал техник, наклоняясь к самому уху лейтенанта. – «Борт» дальше не летит, просьба всем, в этот раз еще живым, покинуть салон!

А в распахнутую настежь корму уже вваливался местный, внештатный, наскоро собранный из двух застав мотоманевренной группы пограничный десант – молодые, расторопные ребята с автоматами и пулеметами наперевес, с рюкзаками и спальными мешками за плечами.

Немолодой, седоватый капитан без оружия и в новой, такой же, как у лейтенанта форме неожиданно обнял его, похлопал по плечам и, пожимая руку, что-то радостно прокричал на ухо, передавая несколько скрепленных вместе листов бумаги, а потом помог спуститься по короткой лесенке наружу и, чему-то откровенно радуясь, прощально помахал рукой. Новоиспеченный начальник связи «точки», прикрыв лицо от пыли сгибом локтя, несколько потерянно потоптался на месте, но заметив вдалеке группу офицеров, пригнулся от сильных потоков воздуха, бьющих от винтов, и огибая солдат, грузящих привычные темно-зеленые ящики с боеприпасами и продовольствием, хлопая чемоданом по ногам, резво побежал, как он надеялся, в нужном направлении. Вспомнив про попутчиков оглянулся по сторонам, но не заметил их среди улетающего подразделения и тут же отвлекся, внутренне готовясь к процедуре представления следующему в его послужном списке начальнику, который по долгу службы должен оказать некоторое влияние на жизнь и судьбу своего подчиненного.

Глава 4. Полный контроль

Ярко выраженный майор с красным лицом и совершенно белыми, аккуратно подстриженными висками, выглядывающими из-под кепи, надвинутого на нос, в начищенных не по месту службы ботинках сухо кивнул в ответ на доклад о прибытии, протянул руку для рукопожатия и махнул стоящему поодаль сержанту, который взял у лейтенанта чемодан и скрылся за окружающими «взлетку» тополями. Начман⁸ жестом пригласил всех за деревья и сделал это вовремя, потому что «борты» подняли облако пыли до небес и пропали, растворились в нем, заставив присутствующих переглянуться и печально вздохнуть, прислушиваясь к удаляющемуся рокоту.

Знакомство лейтенанта с офицерами прошло быстро – коротко звание, должность, рукопожатие.

– Итак, товарищи офицеры, не будем терять время, – заложив руки за спину и нетерпеливо раскачиваясь, сказал майор и повернулся к начальнику штаба. – Какие у нас планы дальше? А, ну да, сейчас посмотрим территорию, проведем рекогносцировку⁹ на местности, а потом совещание. Работы много, но до обеда должны успеть! – успокоил он подчиненных и не вызывающим никаких сомнений в обещанном, твердым голосом добавил, рукой показывая направление. – Вперед, не отставать!

Подразделение вольготно раскинулось в довольно большом естественном оазисе на краю местного, провинциального значения городка, который с высоты птичьего полета, выглядел как зеленая заплатка на мятном желто-коричневом одеяле окружающей полупустыни. Лейтенант шел и не верил глазам своим: цветущий фруктовый сад, еловый лесок, посадка молодых кипарисов, вот только окружающие горы со снежными шапками и марево горячего воздуха подсказывали ему, что сбылась мечта «частного лица, живущего в отрыве от общественной жизни», как называли древние греки таких, как он.

Жилая зона ММГ, прикрытая кольцами оборонительных сооружений, состояла из нескольких рядов блиндажей с уже пробившимися кое-где на крышах молодыми тополями и уютно расположилась в самом сердце этого островка свежести и зелени. Внешнюю границу «точки» определяла двойная пограничная система – заборы из колючей проволоки, образующие заминированный коридор метра три шириной, и многослойная сетка из тонкой стальной проволоки, или «спотыкач», как плющ взбирающаяся на внутренние, опорные столбы системы, дополняя инженерно-защитный комплекс и создавая почти непреодолимый барьер не только для пехоты, но и для легкой гусеничной техники. Параллельно ей шла обычная грунтовая дорога с несколько разбитой колеей, по внутренней обочине которой были вырыты окопы различного профиля, от «пьяному море по колено» до «позиция для стрельбы стоя, с лошади». В ключевых местах обороны находились посты – одно или двухэтажные сооружения из снарядных ящиков, заполненных песком, с крышами из бревен, накрытых выцветшей под белым солнцем полупустыни маскировочной сетью. Одни были постоянные, другие – временные, на период осложнения обстановки – местных «танковых свадеб», общесоюзных праздников и конечно войсковых операций, которые по накалу страстей и применению стрелкового оружия находились в конце всего списка.

Как понял лейтенант, начман принял должность всего неделю назад и, как и он, жадно прислушивался к пояснениям начальника штаба, капитана от пограничной инфантерии, сво-

⁸ Начман – начальник мотоманевренной группы.

⁹ Рекогносцировка – осмотр позиций противника в районе предстоящих боевых действий лично командиром и офицерами штаба для получения преимущества и принятия решения.

ими неуставными бакенбардами и отношением к словесности несколько напоминающего любимого всеми поэта несовременности.

Осмотр позиций, своих и противника, начали от не от КПП, первого и ближайшего к вертолетной площадке поста, а от следующего по порядку, действующего, на котором несли службу. Цепочка офицеров, с двумя вооруженными автоматами рядовыми в хвосте и голове колонны, не торопясь двинулась по жаркой и пыльной дороге, совершенно не располагающей к какой-либо мыслительной деятельности.

– Как ни крути, пост номер три, товарищ майор, – привычно выдал очередной «перл» капитан, вытирая рукавом «песчанки» пот со лба.

– Да, вижу, слышу...

Старший смены, сержант в каске с бантиком завязанными тесемками, быстро, скороговоркой выпалил привычный рапорт про свое дежурство, про происшествия, которых не случилось, и отступил в сторону. Начман кивнул, принимая доклад, а нетерпеливый лейтенант уже пригнулся, входя в низкий дверной проем, зашел внутрь и с любопытством осмотрелся. У пары смежных амбразур, немного в стороне от проемов, рядом с оборудованными местами для пулемета и станкового гранатомета, застыли два солдата в касках, бронежилетах и с автоматами, биноклями на груди. По стенам поста, на земляном полу, стояли снарядные ящики с боеприпасами, а на одном из них лежали и средства связи – пыльный полевой телефон и переносная УКВ-радиостанция в потертом брезентовом чехле, которые, как оказалось после быстрой проверки, работали исправно, поэтому довольно кивнув старшему поста, лейтенант побежал догонять удаляющуюся группу.

Встав в конце цепочки и особо не прислушиваясь к пояснениям начштаба, связанным с ориентирами, секторами обстрела и полосами огня, напрямую не относящимися к его служебным обязанностям, он заинтересованно крутил головой по сторонам, просто наблюдая незнакомый и чужой, но такой вроде бы и не опасный, окружающий их мир — пыльную сельскую дорогу средней полосы Союза, унылый двойной забор из колючей проволоки, неоднократно видимый ранее там же, и проросший сквозь «спотыкач» сухой, колкий кустарник, названный по вполне понятным причинам верблюжьей колючкой. А с той, по приказу свыше уже враждебной стороны виднелись разросшиеся кустарники орешника, сквозь которые совсем недалеко проглядывались белесые глинобитные заборы-дувалы низкого, одноэтажного городка с редкими башнями религиозных строений.

За полным близнецом третьего поста – пятым дорога неожиданно закончилась отвалом грунта и, к удивлению лейтенанта, самым настоящим знаком из правил дорожного движения на обычном, выкрашенном белой краской металлическом столбике. «Въезд запрещен», – наблюдая белый «кирпич» на красном поле, вспомнил он курс автоподготовки в училище. Начман недоуменно хмыкнул и, вытирая платком потную раннюю лысину, остановился, ожидая разъяснений, а капитан, довольный произведенным впечатлением, поспешил пояснить:

– Стараемся, создаем уют, привычный стиль жизни, товарищ майор. Может, знак и не из самых оптимистичных, но суть передает правильно – дальше на технике нельзя, потому что наши предшественники здесь рошу кипарисов посадили, для внутреннего равновесия, душевного спокойствия и прогулок вечерних под луной, если было бы с кем, – притворно вздохнув и подняв глаза вверх, закончил объяснение начштаба.

Заросший травой и колючкой земляной отвал рядом со знаком надвое рассекала протоптанная неширокая тропинка, отходящая немного в сторону от системы и ведущая дальше, к шестому угловому посту. Метров через двести прогулки под солнцем и неловкого молчания, вызванного словами капитана и, конечно, впечатлением от созерцания самой настоящей «южно-курортной» кипарисовой аллеи, насыщенной своеобразным ароматом от деревьев, начман остановился и, обращаясь к «экскурсоводу», спросил, кивнув влево и вперед по направлению движения:

– А что это за насыпь там, вдалеке, за деревьями?

Остальные офицеры переглянулись, и лейтенант кожей почувствовал возникшее напряжение.

– Это наша «запретка», товарищ майор, – захопал капитан прутиком по ботинку.

– Не понял.

– «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой!»¹⁰, – вздохнул начштаба и, вытирая пот с краснеющего лица, добавил. – Наследие колониального режима, недалеко от нас когда-то были разработки урановой руды, шахта в горах, англичане, а сюда они радиоактивный шлак свозили, и поэтому лучше близко не подходить, а то старик Гейгер опять трещать, ругаться будет.

– А в опергруппе мне ничего не сказали, – обиженно поджав губы и натягивая кепи на нос, заметил начман. – Хотя да, в штатном расписании у нас есть химик—дозиметрист, прапорщик, и теперь понятно зачем. Кстати, где он? В отпуске? Гм... Хорошо, дальше.

Капитан облегченно вздохнул, незаметно переглянулся с другими офицерами и махнул рукой рядовому боевого охранения в голове колонны.

– Вперед! Продолжаем движение.

Солдат подпернул автомат на плече, сделал пару шагов и вдруг остановился, вскинул левый кулак на уровень головы и резко опустив руку, принял положение для стрельбы с колена, передернул затвор оружия и замер, прицеливаясь. Начштаба энергичными взмахами руки и свистящим шепотом тут же положил в пыль и сухую, колкую траву молча чертыхающийся безоружный офицерский состав ММГ, а потом неожиданно сделал страшные глаза и, видимо, обращаясь к кому-то одному, вежливо, но энергично постучал себе по голове костяшками пальцев. Начман, который до этого опять вытирал пот платком, надеть головной убор не успел, и теперь, лежа прямо на тропинке, торопливо натянул его на свою, видимо, блестящую на солнце и демаскирующую всю группу лысину, а дотошный капитан подбежал к рядовому и встав сзади него на колено, тихо спросил:

– Что там, сынок, опять прорыв? И сколько их видишь?

– Пока не наблюдаю, товарищ капитан, вроде... – начал объяснять причину тревоги рядовой, но закончить фразу не успел, потому что метрах в двадцати по ходу движения ветки орешника, подлеском заполнившего посадку, тихонько раздвинулись...

Лейтенант, тогда еще курсант училища, за год до выпуска, будучи в настроении и в уволнении, ходил как-то в кинотеатр на ретро-фильм, не один, конечно, и не со всем взводом, как на первых курсах, а с девушкой, которую решил покорить простым и банальным способом – открыть ей свой глубокий внутренний мир. И запомнилось ему это, запомнилось все – кино сразу, а она после, потому что показывали довольно наивную фантастическую комедию, как всегда, производственную, но со смыслом, который дошел до него только ближе к вечеру. По молодости и соответствующему жизненному опыту он больше внимания обратил на внешнюю «шелуху» – доступную и понятную всем комедийность, не сумев увидеть скрытую, тонко показанную сексуальность отношений главных героев, которую сразу отметила его девушка, после сеанса реализовавшая с ним то, что в принципе не могло произойти в фильме¹¹ по известным причинам. И вот теперь лейтенант, который стал старше на пару лет, но, увы, так и не повзрослел, лежал на тропинке, положив подбородок на кулаки, стоящие один на другом, и с интересом наблюдал первый в жизни, а возможно и последний, непосредственный огневой контакт с противником, но то, что он увидел, сразу вывело в его памяти имя главного героя запомнившегося фильма – худощавого и высокого искусственного интеллигента в синем

¹⁰ А. С. Пушкин «Руслан и Людмила».

¹¹ «Его звали Роберт» – научно-фантастический фильм, режиссер И. Олышвангер.

костюме и с такими же глазами, из-за своего поведения и непонимания человеческой жизни так и не принятого окружающими.

«Роберт, – прошептал сухими губами лейтенант. – Я буду звать его Роберт».

С характерными фиксированными движениями, имитируя голосом звуки моторчиков механизма, из кустов, мягко и плавно дергаясь, помогая движению рублеными взмахами выпрямленных, с прижатыми большими пальцами ладоней, на тропинку выступил радостный, почему то светящийся от счастья офицер в выцветшей «песчанке», натянутом на глаза кепи и черных солнцезащитных очках – старший лейтенант, недавний попутчик из отряда.

Капитан мгновенно сбил вниз автомат дернувшегося рядового охранения, злобно сплюнул под ноги, встал во весь рост и, отряхивая колени, обратился к наливающемуся красным главному лицу проводимого в полевых условиях служебного мероприятия:

– Знакомьтесь, товарищ майор, это заместитель начальника второй заставы по боевой подготовке, прибыл сегодня из очередного отпуска, по совместительству клоун наш, штатный. А про него в опергруппе точно ничего не говорили? Забыли, наверное, или своих не сдают, бывает...

– Виноват, товарищ майор, еле вас догнал! Пришлось через рошу срезать, да и отпускное настроение еще не прошло, но я над этим буду работать, – снимая очки и цепляя их за нагрудный карман, неуверительно объяснил старлей свое опоздание и поведение, невозмутимо козырнул начману и, перешагивая еще лежащих с дергающимися плечами офицеров, занял свое место в походной колонне, пока так, приблизительно.

Сначала лейтенанту показалось, что на слепящее солнце навалилась какая-то тень и вроде бы резкий порыв ветра вскинул вверх ветки орешника, а возможно, и столбик пыли с тропинки закрутил в знакомый смерчик, но на самом деле, конечно, ничего этого не было, просто майор, который молча развернулся вслед прошедшему мимо него офицеру, пару секунд помолчал, а потом, наливаясь кровью, немного наклонился вперед, оперся руками на колени, открыл рот и... Молодой офицер постеснялся заткнуть уши, а сконфуженно отвернулся и, стараясь не слушать уже обыденные в его жизни слова и выражения с известным смыслом, пусть и озвученные в несколько преувеличенной форме, если это вообще применимо к такого рода высказываниям, терпеливо, как и все присутствующие, ждал окончания, казалось, бесконечной тирады...

Остальные посты-клоны осмотрели быстро, почти не задерживаясь: угловой шестой, пока пустующие седьмой и восьмой. Только угловой девятый и НП минометной батареи, одиннадцатый, выделялись на общем фоне, потому что располагались повыше всех остальных, на гряде невысоких холмов, склоны которых были просто усеяны красными маками, распространяющими свои тяжелые, душные, специфичные запахи, несколько не напоминающие известный в Союзе аромат из флакона. Автопарк и «взлетка» оказались последними в списке, а на пост полевой оперативной группы внутри их «резиденции» – группы глинобитных строений, окруженных дувалом, оставшейся от местного правителя, сбежавшего за границу – заходить не стали: там разведка, это их территория, пояснил «экскурсовод», а начман, который уже успокоился и немного повеселел после своего облегчающего душу эмоционального монолога, как и обещал, пригласил всех в штабную землянку на ежедневное совещание. Начальники служб, застав и командиры подразделений быстро и толково отчитались за текущий день, прошедшую ночь и сообщили о планах на день завтрашний, а начштаба привычной скороговоркой зачитал график проверки постов и в завершение доложил о движении личного состава:

– Убыло двадцать пять рядовых, пять ефрейторов, три сержанта и два офицера, наша десантно-штурмовая. Связывался с ними, задачу выполнили, потерь нет, но не повезло сосе-

дям – два «двухсотых»¹², парламентары. Говорят, хотели без крови, но не получилось... В результате и с «духами» поступили жестко, но адекватно.

Замбой¹³ второй заставы побледнел и, обхватив голову руками, устался в стол, а все остальные встали и, перебирая в руках головные уборы, отрешенно, думая каждый о своем, но все об одном и том же, с минуту скорбно помолчали. В тесной, низкой штабной землянке с одним оконцем из снарядного ящика, закрытым куском полиэтилена, сразу стало темно и мрачно, а тяжелые вздохи и тяжелые мысли только дополнили печальную для всех картину...

– Наши скоро вернутся, завтра, видимо, и минус одна замена, – разрядил обстановку капитан.

Все присутствующие задвигались, заулыбались, и тут лейтенант догадался, понял, кем он был для того офицера в вертолете – его сменщиком, долгожданной надеждой и символом возврата к уже подзабытой мирной службе.

– Прибыло два офицера, отпускник и наш новый начальник связи, кстати, лейтенант, он оставил тебе бакшиш¹⁴, будешь доволен, – продолжил начштаба.

«Как двое? А солдат в вертолете?» – связист вопросительно посмотрел на Роберта, неслышно, мягко и нервно барабанившего подушечками пальцев по столу, но старлей выдержал его недоуменный взгляд, медленно надел черные очки и еле заметно отрицательно покачал головой.

Майор наклонился к капитану и что-то тихо сказал ему, кивнув на молодого офицера.

– Да, и в графике проверок постов небольшие изменения, – напоследок уточнил начальник штаба. – Лейтенант, ты с замбоем второй и его подчиненными посмотришь, как и что, маршрут такой же, как сегодня, только ночью, в два ноль ноль, и учти, все серьезно, твое первое боевое задание... Надеюсь, не последнее...

– Отлично, совещание закончено, обед, – подвел итог начман.

Все встали, майор вышел первым, а Роберт, проходя мимо лейтенанта, благодарно кивнул ему и похлопал по плечу, тот пока не понял, за что, но события решил не торопить, задавая, видимо, не подходящие по месту и времени вопросы.

¹² «Двухсотый» – кодовое обозначение погибшего.

¹³ Замбой – заместитель начальника пограничной заставы по боевой подготовке.

¹⁴ «Бакшиш» – подарок, взятка.

Глава 5. Поразительная меткость

– Равняйся, смирно! Товарищ лейтенант, взвод по вашему приказанию построен! Начальник звуковещательной станции отсутствует, придан местным подразделениям для решения специальных задач, ефрейтор убыл в составе ДЭШа, вернется со всеми, двое на смене, двое отдыхают перед дежурством, – лихо отбарабанил сержант взвода связи, знакомя лейтенанта с личным составом его нового подразделения, вверенного ему судьбой и безымянным офицером кадровой службы округа. – Вольно! Есть по распоряжку! Разойдись!

Три бронетранспортера связи, штабной БТР, звуковещательная станция средней мощности на базе разведывательно-дозорной машины и, конечно, узел связи, на базе блиндажа, быстро осмотренные лейтенантом на предмет существования, с необходимой достаточностью позволяли решать основные задачи взвода – организацию бесперебойной связи с отрядом, постами, подразделениями и сводными колоннами бронетехники на марше. Листки от сменщика, капитана из вертолета, оказались приемно-сдаточной ведомостью: перечень аппаратуры связи, вооружения, сдал, принял, дата, подпись, а на втором экземпляре, который он забрал с собой, видимо, стояли обе закорючки, «За себя и за того парня», – улыбнулся про себя лейтенант.

Блиндаж подразделения был вырыт рядом со штабом и узлом связи. Вход в помещение личного состава и в его офицерское жилище был один – солдатам по длинной лестнице прямо вниз, а ему туда же и налево, через предбанник в свою землянку. «Приличная кубатура, отдельная, и главное, до работы недалеко, удобно», – осмотрелся лейтенант, оценивая отвыкшим от домашнего уюта взглядом бревенчатые стены, обшитые фанерой с желтенькими обоями в цветочек. Рабочая зона состояла из стола, трех табуреток и шкафа с документацией, который, не доходя до потолка из бревен, делил все помещение примерно пополам, а неширокий проход между ним и стеной вел в другую половину, где стояла пара вездесущих тумбочек и три армейские кровати по стенам. Справа от входа – обложенная кирпичами и обмазанная глиной небольшая походная чугунная печка с трубой в потолок, а слева – «пирамида», специализированный фанерный ящик для хранения оружия, боеприпасов и военной амуниции. В целом обстановка соответствовала ожиданиям – «Все нужное есть и ничего лишнего нет, как говорится, военный прагматизм в действии», – сидя на табуретке в позе Мыслителя, с тоской подбадривал себя лейтенант, наблюдая скудную обстановку своего нового дома...

Являясь от природы пытливым исследователем окружающего мира, на обратной стороне последнего листка ведомости, отпечатанной на пишущей машинке, он быстро обнаружил сделанную от руки приписку карандашом – «Ищи и обрящешь», поэтому, снедаемый любопытством, не откладывая процесс в долгий ящик, сразу предпринял то, на чем настаивал капитан, который, как и его сменщик, и не подозревал, к каким событиям приведет обладание лейтенантом эти «невинным» подарком...

Как любой здравомыслящий офицер, кем собственно он и был, лейтенант знал, что лучшее место что-то спрятать находится под кроватью, и первое место, где следует что-то искать, находится там же, а потому, не мудрствуя лукаво, он заглянул под правую кровать и замер в нерешительности, некоторое время наблюдая там обыкновенный открытый посылочный ящик из фанеры, битком набитый патронами разного калибра. Такой «контроль» над боеприпасами, по сравнению со сбором стрелянных гильз на стрельбище училища после занятий по огневой подготовке, показался ему неуместным, а вот закрытый на слабенький вездесуще-иностраный замочек, зеленый оружейный под второй кроватью, на фоне увиденного ранее под первой, показался ему странным, но сразу найденный под подушкой ключик от него расставил все по своим местам.

Внутри под слоем промасленной бумаги лейтенанта ждал настоящий сюрприз, который банальным, чужим словом «бакшиш» было невозможно описать правильно – 7,62-мм армейская снайперская винтовка, смазанная, ухоженная и чистая, в чем он сразу и убедился, машинально проведя мизинцем по краю пламегасителя и посмотрев на испачканный в оружейном масле круглый отпечаток на пальце. Краем уха он слышал в отряде разговоры о стрелке с какой-то «точки», который завалил снайпера «духов» на «боевых», но то, что, возможно, им окажется капитан—связист, было для него полной неожиданностью, а вот семь простых зарубок на прикладе и один крестик полностью развеяли эти сомнения.

«Это бакшиш за своевременную смену, и извини, что лично не сдал хозяйство, все на месте, разберешься. Винтовка чистая, за нами не числится – нашел ее в вырезанном блокпосту армейцев в прошлом году. Она твоя, но в Союз не бери, отдашь своему сменщику», – объяснил ситуацию промасленный листок с дарственной на оружие, который молча висел на внутренней стороне крышки, давая лейтенанту все полномочия на владение и не снимая при этом ответственность за применение.

Сев на полу с оружием на коленях и грустно вздохнув, он довольно закрыл глаза, вспоминая, как на одном из занятий по огневой подготовке в училище тема «Правила стрельбы из снайперской винтовки», вызвала бурное оживление и интерес в рядах курсантов, уже несколько привыкших к бесконечному выполнению первого и второго упражнения учебных стрельб из автомата и жаждущих новых знаний, впечатлений и ощущений. Преподаватель, седой подполковник в офицерской довоенной портупее со звездой, показал, рассказал без запинок и четко, передал под запись свои обширные знания в этом вопросе – назначение, тактико-технические данные и принцип действия. Особое внимание уделил и практической баллистике – определению исходных данных для стрельбы и расстояния до цели, как с использованием оптической базы прицела, так и с помощью угловых величин, а напоследок по-простому и доходчиво объяснил, как принимать во внимание кривизну Земли, силу тяготения и другие английские законы, придуманные в каком-то там веке и непонятно кем, чем вызвал безудержный сон у одних и безумное веселье у других слушателей. После того как лейтенант, тогда еще курсант, на полевых занятиях нормально отстрелялся из автомата – восемьдесят семь очков из ста возможных на расстоянии сто метров, дал ему одному возможность опробовать и это оружие. Полмагазина, пять патронов, расстояние – триста, мишень номер три, но тот решил по-своему.

Ворона, сидящая на пеньке спиленного столба рядом с целью, так и не поняла, что внезапное решение прекратить свое далекое, но все равно надоедливое карканье в этот раз спасло ей жизнь. Не осознавая происходящее, она случайно устранила причину, из-за которой стрелок держал ее в прицеле, и когда она вдруг заткнулась, он решил ограничиться строгим предупреждением, всадив первую пулю в точку опоры под черными цепкими лапками. Не вняв сделанному замечанию, со злобным карканьем и со щепками в перьях, она тут же взлетела, родимая. Подполковник, наблюдая результат стрельбы через бинокль, удовлетворенно хмыкнул, и остальные четыре выстрела курсант сделал уже по цели, быстро и уверенно наколов на бумаге немного вытянутый ромб прямо по центру, но немного выше, в круге с номером девять. Когда вызванный по рации солдат, обеспечивающий безопасность стрельб за линией мишеней, ее принес, взвод дружно ахнул, и парни зашептались между собой, а офицер достал коробок спичек и приложил к пробоинам, закрыв три из них.

– М-даа... – недовольно покачал он головой. – Хороший выстрел был тот первый, куда целился, туда и попал, а тут перебор, поторопился, видимо. Скорость нужна сам знаешь в каком случае, но все равно значок классности получишь. Откуда такие навыки?

– Книги в детстве любил читать про Зверобоя, Соколиного глаза и Следопыта, рисую неплохо, геометрия опять же на «пятерку», видимо, врожденное, – туманно ответил курсант,

для исключения дальнейших вопросов решив не уточнять, сколько времени он провел в школьном тире.

Лейтенант опять вздохнул, закончил вечер воспоминаний и убрав оружие на место, вытер ветошью, найденной там же, испачканные оружием маслом руки.

Насыщенный событиями день прошел быстро, во взводе уже прозвучала команда «Отбой!», и он, решив немного отдохнуть перед ночной проверкой постов, прилег на застеленную койку в привычном для курсанта неуставном положении – ноги в сапогах на спинку кровати, а руки за голову. Годами выработанная в училище привычка не экономить на отдыхе и при любом удобном случае восстанавливать силы, засыпая чутким, балансирующим на грани с реальностью сном, сейчас его подвела. Причин для этого было несколько – и новое беспокойное место службы, и предстоящая ночная «прогулка», как он уже понял, отдающая реальным боевым опытом, и несколько подзабытые за сумятицей дня красивые карие глаза с мааленькой родинкой на нижнем веке, совсем рядом с уголком глаза.

Служебное отношение лейтенанта, как молодого, здорового и рассудительного, к реальным боевым действиям несколько отличалось от событий на личном фронте, к которым он стремился и о которых мечтал по ночам: встреча, разведка, подготовка, атака и сокрушительная победа над противником, яростно переходящая в бурное и довольно подзабытое чувство удовлетворения над ним же. В отряде, откуда его отправили в служебную командировку, случилась беда – печальная история, которая оставила молодого парня без подруги. Вспоминать об этом он не хотел, но вчерашняя встреча у киоска взволновала, напомнила о прошлых отношениях, о том, что жизнь продолжается и надо принимать удары судьбы с достоинством, а подарки, тем более неожиданные, с благодарностью. А потом, сквозь прикрытые веки, всплыла еще одна причина, не дающая ему временно перейти на другой уровень сознания, потому что не успел он поменять местами затекшие ноги на спинке кровати, а карие глаза уже сменили зеленые, не менее красивые и такие же волнующие...

За несколько мгновений до прихода дневального по взводу сработал внутренний будильник, еще один из полезных навыков, полученных в училище: просыпаться вовремя и без подручных средств. Лейтенант, рывком сбросив ноги со спинки кровати, легко вскочил и быстро экипировался – личный автомат с уже заученным серийным номером, как потом оказалось навсегда, потерянный, заполненный боеприпасами «лифчик» и, после нескольких секунд раздумий, ночной стрелковый прицел, универсальный, который он аккуратно прикрепил на оружие, тихонько, чтобы не разбудить солдат, поднимаясь по лестнице на поверхность.

Ночь оглушила своей кажущейся тишиной с отличной акустикой бескрайнего древнего греческого амфитеатра под открытым небом, заворожила, закружила и огромным звездным небом, правда, несколько меркнувшим перед великолепием ночного светила с ясно видимыми оспинками своих кратеров и темными разводами пыльных морей. «Какая огромная она здесь», – задрав голову и придерживая кепи рукой, подумал лейтенант.

– Впечатляет, да? – предусмотрительно кашлянув за спиной, спросил незаметно подошедший Роберт и встал рядом. – Я первое время, когда на наш полевой «толчок»¹⁵ ночью ходил, газету не только по прямому назначению использовал, освещения и для расширения кругозора хватало...

Лейтенант, который немного покраснел оттого, что позволил офицеру подойти незаметным так близко, согласно кивнул и тут же чертыхнулся про себя, когда скользнув взглядом вправо, увидел двух солдат сопровождения, стоящих рядом, как и они, с запрокинутыми вверх головами. Проверка оружия и экипировки заставила всех собраться, сосредоточиться на предстоящей боевой задаче, а прыжки на месте в групповом и одиночном исполнении сразу позволили выделить слабое звено этого ночного патруля, выдавшее себя демаскирующим железным

¹⁵ «Толчок» – туалет (жарг.).

звучком, которое сконфуженно крутило головой, оглядывая свою новую, пусть и затертую, еще непривычную амуницию.

– Откинь приклад, он о защелку клацает, а это не есть хорошо. Я первый, остальные за мной цепочкой, ты замыкающий, дистанция три-четыре метра. Идем по часовой, начинаем с НП «минбатра»¹⁶, если сделаем все четко, то и правда будет за нами...

Роберт, задавая темп всей группе и срезая между блиндажами подразделений, точно вывел их к подножию холма, на узенькую бликующую в лунном свете тропинку, ведущую наверх немного в стороне от основной дороги. На секунду задержался, перевесил автомат через ремень на шею и, положив на него руки для опоры и равновесия, быстрым рывком начал движение вверх по склону, между кустов верблюжьей колючки, к сияющим над головой звездам.

Луна, как заметил ранее замбой, впечатляла – все было видно как на ладони, вот только холодный и неживой свет вызывал у лейтенанта, который, поскользываясь на твердой, утоптанной тропинке, упрямо лез вверх, мрачные ассоциации. Ночной ритуал проверки поста почти ничем не отличался от дневного – привычный приказ стоять и тихий обмен паролем и отзывом, одинаковые доклады и такие же вопросы, только вот подходить к этому сооружению, которое ночью выглядело совсем иначе, было несколько страшновато и неудобно, мороз особенно продирает по коже, когда до него оставались считанные метры, а он молчал, умышленно или не по своей вине играя на нервах. Шли быстрым шагом, стараясь не задерживаться на открытых местах и, насколько позволял проросший кустарником «спотыкач», почти вплотную прижимаясь к колючей проволоке системы. Между шестым и пятым постами лейтенант, который заранее к этому подготовился, вскинул автомат с ночным прицелом и посмотрел через него в сторону «заплетки», горя желанием проверить училищную байку, услышанную на занятиях по оружию массового поражения, о том, что так можно увидеть свечение от радиации, а когда увидел, возможно, несколько наивно принимая желаемое за действительное, оторопело опустил автомат и окликнул замбоя, который, глотая воду из фляжки, от неожиданности громко поперхнулся и надсадно, еле сдерживаясь, закашлялся.

– Черт, не шуми. Что такое?

– На, смотри! – протянул ему оружие лейтенант.

– Ну, – не понял Роберт, напрасно вглядываясь в лунную светлоту через прицел с зеленой, отсвечивающей и «залипающей» картинкой.

– Не видишь, что ли? Дай автомат! Ничего не понимаю, было же!

– Да что?

– Свечение какое-то или отблеск, не пойму.

– Так, ты не суетись, суровая проза жизни ничего общего со сказками на лекциях не имеет, скоро отвыкнешь проверять и сравнивать, сам таким был.

Пожав плечами, приниженный исследователь окружающего мира прошел мимо Роберта, который пропустил его вперед и довольно ухмыльнулся, тревожно оглядываясь на солдат.

Кипарисовая аллея, где еще утром лейтенант лежал на траве в тревожном ожидании, ночью под луной выглядела совершенно потрясающе и навевала романтические, совсем не подходящие к реальной обстановке мысли. Не хватало только мягко плещущегося теплого, южного моря, лунной дорожки на нем, песочного пляжа под босыми ногами и бурно протекающего курортного романа, которого у него никогда не было, просто читал что-то такое, когда-то и где-то в прошлой жизни, вот и наваяло, а может, и не читал, просто нафантазировал, глаза опять же эти, карие и с мааленькой...

Лейтенант выстрел не услышал, а только почувствовал всей кожей жестоко давящее на психику, невероятно быстро нарастающее гудение мощного шмеля, на которое солдаты ночного дозора, идущие перед ним, среагировали мгновенно – елочкой рассыпались в разные сто-

¹⁶ «Минбатр» – минометная батарея (жарг.).

роны, а он, еще витая где-то в облаках, успел только рефлекторно нагнуть голову и рухнуть на одно колено. Справа от него и спереди, метрах в двух, что-то сильно ударило в землю, а в лицо и грудь хлестко толкнула пыльная волна теплого воздуха с жесткими комьями земли, которые еще не успели остыть от жаркого дневного солнца. Заученным движением скинув автомат с плеча, он щелкнул предохранителем, быстро передернул затвор и навскидку выстрелил куда-то вперед, правее пятого поста по оси их движения, и недовольно чертыхнулся про себя, потому что выброс адреналина в крови заставил задрожать руки и не позволил эффективно подавить огневую точку противника, как он не раз, на занятиях по тактике мечтал про себя, представляя свой первый бой за генерального секретаря и Отечество. И вместо длинной грохочущей, сметающей все и вся автоматной очереди прозвучал хоть и гордый, но одиночный выстрел, который свел на нет эффективность применения автоматического оружия, скорострельность и кучность попадания которого были бы адекватным ответом на этот подлый ночной выстрел из-за укрытия. В спешке сорвав палец, лейтенант поднял предохранитель, переключив режим ведения огня на автоматический, но момент был уже упущен.

– Оставить! – прошипел сзади Роберт. – Бегом на пост, быстро!

Процедура опознания «свой – чужой» вместо пароля и отзыва ограничилась краткой выжимкой из «цветастых» речевых оборотов, примененных начманом утром по отношению к замбою, и запыхавшаяся группа ночных путников, явно пренебрегая звуковой маскировкой, громко топя и бряцая оружием, шумно ввалилась на пост и привычно рассредоточилась по амбразурам, рядом с замершими у них бойцами, двукратно усиливая его огневую мощь.

Зуммер телефона несколько разрядил обстановку, и старший смены, ответив на вызов, протянул трубку:

– Товарищ старший лейтенант, вас дежурный по мангруппе.

– Да так, ничего особенного, кратковременный обмен мнениями по спорному вопросу, быть или не быть. Да, он. Прими поздравление, с боевым крещением, – улыбнулся Роберт лейтенанту.

После окончания проверки вернулись в жилую зону, где в специальном месте под холмом минометной батареи, оборудованном пулеуловителем – деревянным ящиком с песком, разрядили оружие и по койкам, в норы. Замбой, который утром выглядел и был представлен начальником штаба как «штатный» клоун, таковым на самом деле не оказался, показав себя серьезным офицером, специалистом военного дела, пламенным интернационалистом с горячим сердцем и вроде холодными ногами, «Или как-то так», – пролетели в голове у лейтенанта, слабо разбиравшегося в высказываниях исторических личностей, яркие штампы политотдела и кадровой службы.

– «Ты это, заходи, если что»¹⁷, – кашлянув и имитируя известный голос, опровергая его мысли, подмигнул Роберт, пожал на прощание руку, а потом, сутулясь и несколько преувеличенно переваливаясь с ноги на ногу, скрылся за деревьями, двигаясь по направлению к своему лежбищу.

Лейтенант долго не мог заснуть, думал, вспоминал, переживал, а потом одно возбуждение сменилось другим, потому что кровь и страсть всегда находятся рядом... Проснулся прямо перед командой «Подъем!» во взводе и с верхней простыней-пододеяльником в желтых, уже подсохших пятнах – скупой мужской слезе, потому что ночью на проверке он повел себя как мужчина и, возможно, открыл печальный, но неизбежный на войне счет, а тут полное отсутствие противоположного пола, адреналин и тестостерон девать некуда, и вот оно, следствие, на обратной стороне постельного белья.

Утром его вызвал начман и, кивнув головой, отвечая на приветствие подул на расческу, которой старательно начесывал остатки белых волос на обширную, красную лысину, убрал

¹⁷ «Жил-был пес» – мультипликационный фильм режиссера Эдуарда Назарова.

ее в нагрудный карман и, видимо, чувствуя себя «отцом-командиром», пытливо посмотрев лейтенанту в глаза, начал доверительно гнуть воспитательную линию.

– Ты как, нормально? С поста сказали, что попал, и утром «духи» забрали своего, я решил. Так уж получилось, что начали они, а закончили мы, осадили их рвение, так сказать, пресекли на корню! И что они там хотели, не важно, главное – наш немедленный и адекватный ответ, пусть, суки, знают, что мы...

Продолжая бравурную и патриотическую речь, но несколько потеряв суть беседы, изначально планируемой как психологическая помощь подчиненному, майор расправил плечи, одернул «песчанку», внутренне и внешне гордясь своим подразделением, которое вскормило и воспитало этого офицера, кивком головы в сторону лейтенанта уточнив, какого именно, пусть и всего сутки как здесь появившегося, заложил руки за спину и, натываясь на табуретки, сделал пару кругов вокруг стола – центра тесной штабной землянки.

Неблагодарный слушатель отлично понимал, что они хотели с ним сделать, и это было для него очень важно, но начману говорить не стал, дабы не прерывать процесс, а тот вдруг резко остановился, немного наклонился вперед, уперся руками в колени и... В этот раз являясь непосредственным объектом воспитательного воздействия, он не смог отвернуться, и поэтому пришлось стойко, глядя в ясные, наливающиеся кровью глаза, опять в ярких, а теперь уже и привычных оборотах выслушать мнение начальника по поводу всей этой войны, окружающего их противника, того, что он уже майор и непонятно что тут делает, а ему уже за сорок и по возрасту в академию пора, и вообще, у него уже есть барабанные палочки, чтобы возглавить колонну сам знаешь куда идущих...

Некоторое время спустя лейтенант, думая о своем и смотря под ноги, особо не переживая по поводу услышанного, но все-таки не без удовлетворения и гордости чувствуя себя Натаниэлем Бампо¹⁸ нашего времени, немного глуповато улыбаясь, поднялся по лестнице из землянки штаба и вышел на поверхность мотоманевренной группы. К своему первому убиенному офицеру не испытывал ни жалости, ни сочувствия – он просто защищался, как мог и умел, в этот раз удача оказалась на его стороне, а что будет завтра, известно, только жаль, что не ему, а то нашел бы время собраться, подготовиться.

¹⁸ Натаниэль Бампо – герой романов Фенимора Купера.

Глава 6. Некуда бежать

Утром прилетела ДэШа, и ефрейтор взвода представился своему новому командиру, с паяльником в руке выполнявшему какую-то мелкую ремонтную работу в каптерке, смежном с коммутаторной помещении узла связи. Облегченно вздохнув, он скинул с плеча довольно тяжелую и неудобную ранцевую УКВ-радиостанцию, сдавая ее лейтенанту на хранение. Быстрый осмотр на повреждения сразу выявил, что штыревая антенна, похожая на выдернутый позвоночник какого-то мелкого пресмыкающегося полутора метров длиной, была сломана сантиметров на двадцать от основания и маятником болталась на почти лопнувшем стальном тростике. На вопросительный взгляд офицера о поломке солдат объяснил просто:

– Когда кишлак чистили, пуля чиркнула, – беспечно махнул он большим пальцем за шею. – Прямо здесь просвистела.

– Испугаться успел?

– Никак нет. Да и зачем? Если просвистела, значит, не твоя, свою все равно не услышишь...

Подбодрив парня несколькими словами на отвлекенную тему, лейтенант отправил его отдыхать, а в голову полезли нехорошие, вязкие, красные мысли, и он мотнул головой, отгоняя туманный, еле уловимый образ окровавленного лица парня, медленно падающего навзничь в пыль забытого богом и людьми кишлака. Помогла отвлечься от неприятного осадка в душе, оставшегося после этой непродолжительной беседы, только паленая саднящая точка, в задумчивости поставленная им раскаленным жалом паяльника между большим и указательным пальцами левой руки. Вскочив с табуретки от пронзительной и яркой боли, он машинально вцепился губами в обожженное место, снимая языком неприятные ощущения, но более эффективным обезболивающим оказался внезапный звонок начальника связи отряда по закрытому радиоканалу, который быстро отвлек внимание на другие вопросы, помогая справиться с этой привычной, но довольно неприятной профессионально-служебной мелочью:

– К тебе внеплановый «борт» уже вылетел... вроде... Так что встречай. Высылаю полевой кабель, у вас там некоторое движение ожидается... Что? А, скоро узнаете, какое, не уполномочен... Две радиостанции пришли из ремонта, и твой прапорщик с «боевых» возвращается, будь с ним повнимательнее, он представлен... Что? Тьфу, не представился, а представлен, к награде государственной... За что? Да там такая каша заварилась, а он помог ее расхлебать, в общем, сам расскажет... Все, до связи, удачи вам...

Лейтенант, то мотая обожженной рукой в воздухе, то прикладываясь к ней губами, заглянул в небольшую комнатку на входе в узел связи и с надеждой на исчерпывающую информацию спросил у дежурного по мангруппе, когда будет «борт», просто спросил, так, без всякого подвоха, но тот, поудобнее устраиваясь на самодельном, сколоченном из снарядных ящиков кресле, поправляя под собой серую, выцветшую подушку без наволочки, лишь усмехнулся:

– Это не прогноз погоды, этого не знает никто, слушай и да услышишь...

Лейтенант дежурно улыбнулся дежурному, молча вернулся к себе в каптерку и минут двадцать проковырялся с перебитой антенной, приводя ее в соответствие, а потом поднялся из блиндажа на поверхность горизонта событий и, внимая только что полученному, полному библейской мудрости совету, недоверчиво прислушался. Тонкое ненавязчивое жужжание где-то далеко за сферой принимаемых сознанием во внимание мелочей, которое быстро сменилось стремительно нарастающим рокотом, застало его уже подбегающим к вертолетной площадке. На старте крикнув дежурному по взводу, чтобы тот прислал двоих солдат, на финише он уже перепрыгнул через сухой арык, прошел сквозь полосу уже знакомых тополей, окружающих «взлетку», вышел на открытое пространство и оторопел. Бешено заколотилось сердце, во рту пересохло, и он, находясь в определенном психическом состоянии, известном как «дежавю»,

сначала не понял, потом не поверил, а затем сконфуженно покраснел, потому что два знакомых белобрысых солдата с оружием и в касках, теперь используемых по прямому назначению, сидящие на корточках в тени дувала полевой оперативной группы, который белел за зелеными металлическими плитами вертолетной площадки, заметили его сразу, но в этот раз повели себя совсем по-другому – следуя положениям строевого устава, они уважительно встали, на несколько секунд приняли строевую стойку, а потом вернулись к своим прямым обязанностям.

Как назло, все фигуры в черных до пят одеяниях или стояли спиной к окружающему миру, или молча сидели на корточках «низко голову наклоня», не позволяя офицеру вернуться к тому самому чувственному настроению, подкрепленному отрицательно окрашенной эмоцией, вызванному наблюдением прекрасных органов зрительной системы карего цвета, принадлежащих одной из них... Когда лейтенант, начиная приходить в себя, взволнованно оглянулся по сторонам, то сразу нашел причину такого не свойственного этим одинаково одетым женщинам поведения. В этот раз увиденную ранее в Союзе похожую сцену дополняла другая группа – смуглые, или по своей природе, или от бешеного солнца, мужчины, одни в военной серой, колючей на вид форме, а другие в обычных для этой страны широких, свободных штанах, длинных рубашках и жилетках, и у всех – автоматы, набитые магазинами «лифчики», непривычное отсутствие растительности на лице и какие-то понурые, неуверенные взгляды по сторонам или себе под ноги. Рядом с ними стоял старший лейтенант из разведки мангруппы, который через солдата-переводчика разговаривал с очень колоритным, видным, седовласым старцем, опирающимся на крючковатый посох, который своей выступающей вперед белой бородой, чалмой, пыльными туфлями без задников и с загнутыми носами смутно напоминал кого-то знакомого, доброго и близкого.

Немного робея перед таким количеством незнакомых людей, как в училищном клубе на танцах, лейтенант помедлил и, приняв решение, срезая по краю открытое пространство аэродрома и уважительно обходя квадрат скрепленных вместе зеленых металлических пластин площадки приземления, направился к солдатам охранения, бдительно несущим несвойственную им и пока непонятную ему службу.

– Кто они и что здесь делают? – кивнув в ответ на приветствие, лейтенант выразительно, но без поворота головы повел глазами в интересующую его сторону.

– Жены и дочери местных активистов, военных, периодически вылетают в Союз за покупками, к родным, и мы их сопровождаем, а это их охрана и родственники, они не летят, только женщины, не мужское дело, видимо, – понятно и доходчиво объяснил ситуацию рядовой, на вид худенький и слабенький паренек непризывного возраста.

– Аааа... – офицер замялся, не удержался и, бросив взгляд по назначению, но, к сожалению, безрезультатно, наконец, глубоко вздохнув, решился. – В прошлый раз девушка там была, с велосипедом, помните, наверное.

Солдаты заулыбались и с хитринкой в глазах, понимающе переглянулись.

– Так точно, помним, – смущенно кашлянув в кулак, ответил второй, крепкий и высокий, прямая противоположность первого. – Третья жена местного активиста, бывшего хозяина здешнего.

– Как жена? – отшатнулся от неожиданности лейтенант, сделал шаг назад и, заметно покраснев, нервно попытался расстегнуть и так широко распахнутый воротник «песчанки», а заметив свою оплошность, стал смущенно растирать шею на затылке. – Да она же девчонка совсем.

– Нее, ей тринадцать лет, взрослая уже, – улыбаясь, подмигнул рядовой своему напарнику. – Две недели назад я их свадьбу наблюдал, как раз на батарее, на посту стоял. Оттуда вся дорога к ее счастью была видна как на ладони – и свадебный кортеж из танков, и стрельба

в воздух, и ракетницы залпами, в общем, красиво жить не запретишь, да вот и она, с молодым супругом!

На «взлетку» со стороны КПП вырулил союзный внедорожник с богато украшенными всякими висюльками стеклами, проскочил мимо лейтенанта и солдат, резко тормознул и, подняв клубы пыли, остановился недалеко от женщин. Офицер проводил взглядом проехавшую за спиной машину и как бы ненароком, но продолжая краснеть и говорить рядовым что-то бессвязное, сделал пару шагов назад, что позволило ему держать под наблюдением обе ее стороны. С водительского места выскочил молодой парень в обычной национальной одежде, но с крестом пулеметных лент на груди, наклонился внутрь и вытащил ручной пулемет на сошках, держа его на весу, быстро обежал вокруг машины, ловко приставил оружие к ноге и, открыв заднюю правую дверцу, замер в почтительном поклоне.

Из машины, спиной вперед, ощутимо качнув ее при этом, с подобающей его рангу медлительностью, осторожно вылез немного тучный бородатый мужчина средних лет с непокрытой, наголо обритой и почерневшей от солнца головой. Держа в руках белесый от постоянного использования автомат с потертым деревянным прикладом и свисающей с него тонкой металлической цепочкой, другой конец которой терялся в складках одежды на груди, он встал перед открытой дверцей спиной к покрасневшему наблюдателю, оглянулся по сторонам, вникая в обстановку, а затем оценивающе, но уж слишком небрежно и быстро осмотрел лейтенанта с головы до ног и, видимо, довольный результатом, сразу потерял к нему интерес, тем самым заставив того пересмотреть свое отношение к ситуации. Сделав некоторое внутреннее усилие, возвращая контроль над эмоциями и, как следствие, над кожей, офицер принял вызов – одернул «песчанку» и застегнул верхнюю пуговицу, прикрыв уже желтоватый от пота и пыли несвежий подворотничок, уверенно прищурился из-под козырька низко надвинутого кепи и несколько дольше и внимательнее оглядел зарвавшегося молодожена, недовольно отметив про себя, что его ответные действия прошли незамеченными, так как субъект стоял к нему спиной и на горячий, пронизывающий взгляд в мощный бритый, кожаный затылок никак не реагировал, заведя руки назад и перебирая пальцами в перстнях крупные темно-коричневые четки. Занятый внутренней борьбой с понятно почему принятым за соперника бородачом, лейтенант все же сразу заметил смуглую худенькую кисть со сползшим к локтю широким черным рукавом одежды, обшитым по краю серебряным орнаментом, которая показалась в проеме дверцы, как-то робко и неловко дотронулась до локтя своего повелителя, попыталась найти в нем поддержку и опору, но после того как тот недовольно повел плечами, сбрасывая ее...

Лейтенант замер, глубоко и печально вздохнув полной грудью, с досадой и болью в сердце обратил взор и мысли на пыльную землю под ногами, а когда через пару мгновений все-таки решился освежить в памяти прекрасное видение карего цвета и поднял взгляд, то вместо ожидаемой мааленькой коричневой родинки на краю левого века увидел знакомый цветной треугольничек на черных солнцезащитных очках, шикарно модных и популярных в Союзе. Стало как-то пусто и в душе, и в голове, и вообще в жизни, эмоции и их последствия из-за бешено заколотившего сердца опять выдали его состояние, оценить которое было уже некому – девочка повернулась к нему спиной, смотря в землю, прошла мимо своего царственно парящего над окружающими законного обладателя, и сразу как-то сжалась и ссутулилась, проходя мимо сделавшего пару шагов назад водителя. От женской группы отделились две одинаковые черные фигуры и мелкими шажками, склонив головы, подошли к ней, окружили и увели к себе подобным.

Бородач, вальяжно посмотрев на дороге электронные часы на полуметаллическом браслете, что-то сказал водителю, показывая рукой со свисающими четками в сторону удаляющихся женщин, и тот, приложив руку к груди, почтительно закивал, поудобнее перехватил оружие и бросился их догонять, вместе с ними подошел к остальным улетающим, а потом присел на корточки неподалеку, аккуратно поставив рядом пулемет на сошки.

Решив такой важный вопрос, как подтверждение своего права на обладание, видимо, самой молодой и красивой в рамках положенного ему статуса, Кожаный Затылок, желая убедиться в эффективности своих действий по поддержанию собственного авторитета, перевел властный взгляд на группу мужчин, в ответ на что они как по команде или отвернулись, или, потупив взгляд, принялись рассматривать свою обувь, потому что туфли без задников на резиновой подошве из автомобильных покрышек, да и высокие ботинки на шнуровке, пыльные и грязные, требовали постоянного внимания. Один Хоттабыч¹⁹, закончив разговор с разведчиком мангруппы, принял молчаливый вызов и, сурово нахмутив брови, недовольно ткнул посохом в землю, прожевав что-то губами, а бородач в ответ приложил руки к груди, согнулся в уважительном поклоне, выпрямился и несколько сильнее, чем нужно, хлопнул дверцей. Скользнув по лейтенанту и солдатам безразличным взглядом, он снял автомат со спины, сел на место водителя и, подняв тучу пыли покинул военный аэродром местного значения.

¹⁹ Хоттабыч – герой повести «Старик Хоттабыч», автор Л. Лагин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.